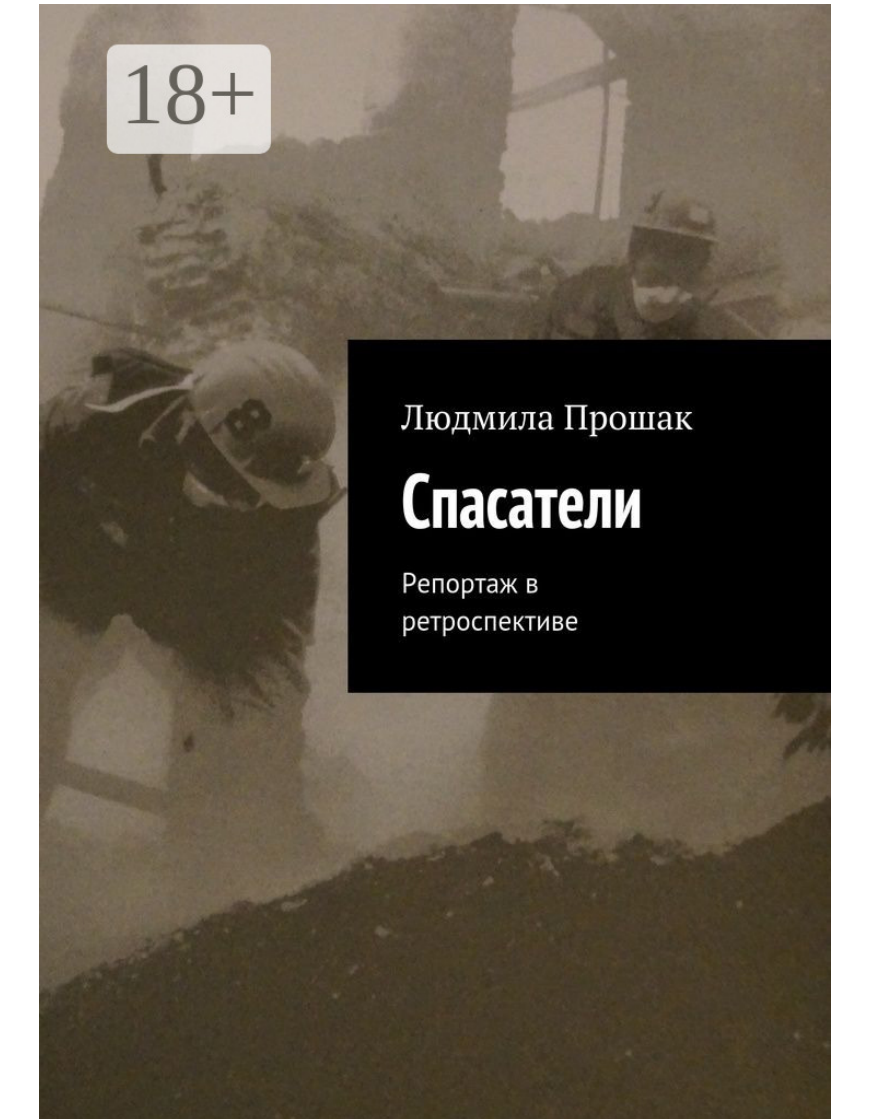

18+

Людмила Прошак

Спасатели

Репортаж в
ретроспективе

Людмила Прошак

Спасатели. Репортаж

в ретроспективе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25279111

ISBN 9785448557439

Аннотация

Не пускайте чужое горе в свое сердце. Подглядывайте за ним в узкую щель вежливого человеколюбия и радуйтесь, что вас это не касается. Иначе – беда. Два удара зашедшегося от боли сердца – и горе из чужого стало вашим. С ним теперь жить, его теперь нянчить и баюкать, как младенца-найденыша...

Содержание

I. Копатели	7
1	7
2	9
3	10
4	12
5	14
II. «Лебединое озеро»	15
1	15
2	19
3	25
III. Уфимская труба	31
1	31
2	35
3	38
4	42
5	46
IV. Дети экстрима	47
1	47
2	51
3	53
V. Первый опыт выживания	55
1	55
2	56

3	59
VI. Над горящим арсеналом	62
1	62
2	64
3	66
4	70
VII. Манави Иванам	73
1	73
2	75
3	81
4	83
5	87
VIII. Ткварчели	90
1	90
2	92
3	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Спасатели

Репортаж в ретроспективе

Людмила Прошак

Что нам делать? То, что мы сможем... То, что мы сможем.
Стивен Кинг

© Людмила Прошак, 2017

ISBN 978-5-4485-5743-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вполне возможно, вы, скользнув взглядом по обложке и эпиграфу, скажете: «Между прочим, моя собственная жизнь тоже штука сложная, тяжелая, и если я покупаю книжку, то вправе ждать от нее развлечения и отдыха, а здесь уж точно „не соскучишься“. Нет уж, спасибо».

Ну и правильно. Не пускайте чужое горе в свое сердце. Подглядывайте за ним в узкую щель вежливого человеколюбия и радуйтесь, что вас это не касается. Иначе – беда. Два удара зашедшегося от боли сердца – и горе из чужого стало вашим. С ним теперь жить, его теперь нянчить и баюкать, как младенца-найденыша...

Может быть, и автор, надеется, написав, избавится от боли? Чего уж скрывать — очень сильно рассчитывала на это, когда мне стало казаться, что иду вдоль одного и того же взорванного дома, опоясывающего всю планету. Могу ручаться: после этого человек становится другим. Я не сразу это поняла. А когда поняла, было уже поздно что-либо менять. Так что прислушайтесь к совету человека опытного: не пускайте чужое горе в свое сердце...

Хотя не так уж и печальна эта повесть. Существование наше трагикомично своей скоротечностью. Не говоря уж о том, насколько забавно и горько наблюдать, что сделали обстоятельства жизни с прототипами героев, на долю которых выпало пережить успех.

Но в этой книжке речь о другом. О том, что чем труднее и опаснее жизнь, тем сладостнее ее солоноватый от слез вкус.

Л.П.

I. Копатели

1

Тишина опустилась могильной плитой на руины Спитака, уничтоженного землетрясением. Стоны, еще мгновение назад доносившиеся из-под завала, стихли. Егосин скосил глаза на капельницу, змеившуюся в глубь завала. Ему с ребятами пришлось изрядно помучиться, чтобы отыскать расщелину, в которую бы прошел тонкий, как проволока, шланг к ребенку, замурованному в завале. Многоэтажный дом сложился, похоронив под своей тяжестью жильцов. Плиты слиплись, спрессовав человеческие тела но вниз, под бетоном и железными балками, торчавшими из груды обломков как скрюченные пальцы, спасатели не столько слышали, сколько учуяли слабый детский стон.

У кого-то оказался под рукой термос с еще не остывшим чаем. Его вылили в бутылку, чуть-чуть разбавив водкой. Вместо глюкозы, которой, конечно же, не было, пришлось насыпать побольше сахара. Бутылку пристроили на возвышении. Чай, закапав, остановился, скапливаясь в шланге. Спасатели напряженно смотрели на прозрачную трубку. Отыщет ли ребенок в завале капельницу, поймет ли, что в ней спасительная влага? Вдруг жидкость в шланге дерну-

лась, заструилась. Пьет!

Так было еще вчера. Да что там вчера! Еще мгновение назад жидкость бежала по капельнице. А теперь остановилась. И стоны смолкли... Проклятый бетон! Его не берет никакая кувалда, никакой лом. Егошин пнул бесполезную газовую горелку, которой они пытались резать железную арматуру. Обессилено опустил на руины. Его душила ярость, влажной пеленой застилала глаза. Ему хотелось броситься на эти бетонные глыбы, пробить их лбом, вгрызться зубами. Он махнул рукой, сел, обхватив голову сбитыми в кровь руками.

– Мы не спасатели, мы – копатели!

Он ничего не мог изменить. Он вообще ничего больше не мог. Ни материться, ни плакать. Усталость придавила его, словно бетонная плита, от которой он не находил в себе сил отвести взгляд.

Спустя три дня он увидел на руинах иностранных спасателей в новеньких ярко-оранжевых комбинезонах. Они колдовали над каким-то оборудованием. Подошел ближе и замер, завороченный зрелищем: гидравлические резаки раскусывали арматуру, надувные подушки поднимали многотонные плиты, и слои бетона расступались, освобождая из-под завала тела. Поздно, слишком поздно...

2

Баграмян взял чистый лист бумаги, привычно начертил систему координат: ось икс – ось времени, двадцать четыре часа; игрек – ось жертв, все сто процентов. Теперь надо рассчитать соотношение числа погибших и времени, которое они провели в завале. Сколько умирает в первые сутки, если никто не придет к ним на помощь? Цифры выстраивались в скорбные столбцы... Сколько еще погибает от синдрома сдавливания из числа тех, кого *достанут* из руин на вторые, третьи, четвертые сутки? Господи! В общей сложности восемьдесят семь процентов! Вот он, трагический опыт армянского землетрясения, переведенный на язык формул. Карандаш прочертил «кривую смерти» и замер. А если не промедлить в первые часы? Снова колонки цифр... Можно спасти до пятидесяти процентов пострадавших. Каждого второго!

В Шереметьево рейс откладывали из-за сильного тумана в Ереване. Наконец, когда пассажиров в третий раз пригласили на посадку, самолет взмыл вверх. Академик Бергман посмотрел на часы и обреченно закрыл глаза: он безнадежно опаздывал. Самолет пошел на снижение и попал в густую полосу тумана, который, как вата, обволакивал лайнер. Он разорвал ее в клочья едва ли не перед самой посадкой. «Если такой же туман был над Ленинаканом после землетрясения, – подумал академик, застегивая ремни безопасности, – то неудивительно, что два транспортных самолета разбились на подлете к городу. Хаос царил не только а переполненном аэропорту, но и в небе...»

Когда Бергман вошел в зал, заседание уже началось. Он шел к своему месту в президиуме и удивлялся, как много людей здесь собралось. Они стояли в проходах и молча смотрели на него. «Как странно, – думал он, глядя на них, – они совсем не похожи на астрофизиков...» Председательствующий наклонился к нему:

– Эти люди пришли к вам, Эдуард Алексеевич. Вы больше всех из академии наук пожертвовали денег...

– Вы хотели что-нибудь уточнить? – спросил, вставая, растерявшийся Бергман.

– Да, – отозвалась пожилая армянка, стоявшая в проходе,

рядом с левым микрофоном. — Мы хотели узнать, почему вы это сделали?

Люди молчали и смотрели на Бергмана. А Бергман смотрел на людей.

— В очереди, в сберкассе, — сказал он наконец, — впереди меня стояла женщина в черном. Она принесла еще больше денег, чем я. Она копила их на свадьбу сына. Второго декабря его убили в Афганистане, а седьмого — было землетрясение в Армении, поэтому она все накопленные деньги решила послать сюда... Теперь понятно, почему я это сделал?

Вечер напролет Римма Шульман, секретарь Российского корпуса спасателей, обзванивала знакомых.

– Этот комитет ничего не имеет. Я единственная сотрудница, не считая председателя Кужугетова и его заместителя Юрьева, – пересказывала она свою историю очередной подруге. – Я сижу дома, а они мне время от времени позванивают и дают поручения... Да, я уже поняла, что с ними лучше не связываться. Даже своего бухгалтера и того нет, зарплату приходится совсем в другом месте получать... Да, конечно, я усиленно ищу работу...

А тем временем Кужугетов и Юрьев сидели у себя в общежитии напротив друг друга.

– Пора все бросить и уехать домой, – сказал один.

– Да, – в тон ему добавил второй, – и сама эта спасательная идея никогда не будет востребована.

– И вообще невозможно в этой столице что-нибудь пробить... Союзное правительство борется с российским, никто ничего не решает.

– И помещение нам не дают!

Друзья замолчали и уставились друг на друга. В комнате общежития громоздился компьютер и две картонных коробки с папками – архив будущего Российского корпуса спасателей.

– Слушай, мы носимся по Белому дому, подписываем горы каких-то документов, а ведь у нас ничего нет, кроме тех должностей, которые нами дали и о которых никто не знает... Но чего удивляться! Лет десять назад никто вообще и не заикался о государственной политике по защите от риска катастроф. Все проблемы рассматривались врозь, словно бумага, нарезанная на узкие полоски. Вот техногенная катастрофа, вот природная... И каждая из них представляла собой государственный секрет. Помнишь, как мы сами воспринимали учения гражданской обороны? Как армейские маневры, про которые в песне поется: «Если завтра война...»

– Да, а вместо этого был Спитак. А до него – Чернобыль. Страшная ошибка, многократно приумноженная государством, скрывшим от своего народа масштабы катастрофы. Жить ведь положено не ради людей, ради светлого будущего...

– Ну хорошо, если пойти по другой схеме? В США существует некий государственный институт, Федеральное агентство по управлению в кризисных ситуациях. Только ведь и ФЕМА тоже в основном рассчитано на случай войны.

– Да, но ФЕМА создало территориальные структуры, чтобы приходить на помощь прямо там, на месте, в любом критическом случае. Нам предстоит сделать то же самое, только лучше.

Они с трудом дождались утра...

На Красной Пресне, в двух шагах от Белого дома, впри-
тирку к забору зоопарка ютился «закрытый» институт сель-
скохозяйственной радиологии. Сотрудники этого «почтово-
го ящика» ломали головы над тем, как в чернобыльской зоне
вырастить чистые корма для животных.

– Ага! Значит, они занимаются чрезвычайными ситуаци-
ями?

– Может, удастся здесь оторвать какой-нибудь кабинетик?

– Ну и здравствуйте, – с порога выпалил председа-
тель Российского корпуса спасателей удивленно взиравше-
му на него человеку за столом, – моя фамилия Кужугетов,
его – Юрьев. В ближайшее время ваш институт отдают нам.
На днях будет принято решение правительства. Я думаю, –
продолжал он твердым тоном, подтверждая наихудшие пред-
чувствия директора института, – лучше не дожидаться этого
момента и по-хорошему освободить часть кабинетов, чтобы
срочно разместить в них Российский корпус спасателей.

Директор закивал и стал поспешно завязывать тесемки
на папке...

II. «Лебединое озеро»

1

На военном аэродроме в Рязани царила неразбериха. Самолеты, как грузные утки, с ревом добежав до терминала, замирали. Из брюха сыпались псковские десантники. Полковник Кубарев очень осторожно положил трубку на рычаги. Как будто она была из расплавленного стекла. «Ты попал, дружище», – сказал он себе, опустил на стул и мрачно уставился на телефон, по которому только что говорил с Москвой.

– Что у вас там происходит?

Полковник сразу узнал высокий взвинченный голос, к которому уже вся страна привыкла, как к родному, благодаря прямым трансляциям со съезда депутатов, и усмехнулся про себя: нашел у кого спрашивать! Но вслух вместо этого отчетливо:

– Город в полной боевой готовности, войска двинулись на Москву, по крайней мере наш гарнизон. Техника, боеприпасы, вооружение – все пошло на столицу.

На следующий день Кубарев сидел у себя в кабинете и смотрел по телевизору на генсека. Тот поглядел с экрана в угол, где стояло переходящее красное знамя, и язвитель-

но назвал поход войск на Москву слухами с Рижского вокзала. Ему поддакнули в президиуме, закивали: конечно, этого не может быть... Телевизор зашипел, задергался, Кубарев потянулся поправить антенну, но тут зазвонил телефон... С этой минуты он трезвонил непрерывно.

– Держись, старик, – кричали в трубку депутаты, – мы их одолеем, на заседании такая драчка была, мы оппозиции врезали, сказали, что ты выйдешь и все расскажешь. Так что давай быстренько выезжай в Москву первой ночной лошастью. Если не расскажешь все честно, Москва седьмого ноября будет залита кровью...

Кубарев шагал через опустевший плац домой и с каким-то отстраненным чувством удивления ловил себя на том, что на самом доньшке души плескалась обида. «До полковника дослужился, Афган прошел, вся грудь в орденах, а тут судьба перед выбором поставила», – он не заметил, как прошел мимо своего дома. Вернулся. И вдруг понял, что дом – единственное место, где он может сказать вслух обо всех своих сомнениях. Сидел на кухне, обхватив ладонями кружку с горячим чаем.

– Или я должен спрятать голову в песок, как страус, и ждать, чем все это кончится, или должен сказать правду. Для меня, человека военного, это отчаянный шаг, – говорил, не отрывая взгляда от чашки, поднял глаза лишь тогда, когда жена попросила:

– Останься просто человеком...

Полковник Кубарев сошел с трибуны, украдкой вытирая пот со лба, и оглядел зал. Депутаты Верховного Совета словно и позабыли о нем, увлеченно составляли списки членов вновь образываемой комиссии. В это время с Ходынского поля спешно отводили войска. Какой-то ошалевший от быстрой смены обстановки майор подскочил к властно распоряжавшемуся полковнику:

– А технику как?

– Бросай к такой-то матери!

...Генерал Борзов, разложив на коленях салфетку, смачно хлебнул борщ. Аромат, исходивший из тарелки, пересилил гнев. Генерал, громко дую, стал торопливо сербать. Насытившись, откинулся на кресле в ожидании перемены блюд и обвел присутствующих за столом цепким взглядом:

– Ну, голуби, про «ноябрьский парад» что будем говорить? Ничего не ведаем, шли учения... Я был вчера в верхах, отчет комиссии положили под сукно, – генерал хлопнул для убедительности по белой скатерти. – В общем, и полковник Кубарев прав, и мы вроде правы... И все как бы немножечко не правы... – Генерал выдержал эффектную паузу и расхохотался, но оборвал свой смех, увидев перед собой блюдо с жареными рябчиками: нацелился вилкой на тушку из самой середины...

После обеда, садясь в черный «мерседес», на мгновение задержался, оглядывая выстроившихся на обочине генералов и трех полковников, ошастливленных тем, что их при-

близили к командованию, поманил одного из них пальцем и прошептал, дыша на будущего генерала грибным расстегаем, съеденным (уже с расстегнутым поясом краснолампасных брюк) последним:

– Проследи, голубь, чтобы полковник этот... э-э, как его... Кубарев!.. остался без должности и нигде не смог бы заработать. Проследи и доложи, когда семья начнет проедать последнее...

Мальчишки намаялись, пока отыскиали в Москве общежитие, где жил отец одного из них. Теперь, очутившись на месте, они, как и полагается сибирякам, предпочитали отмалчиваться. Юрьев-младший сочувственно наблюдал за своим опешившим отцом: еще бы, тот в гости ждал его одного, а он прикатил из Красноярска с приятелем. Ну, а с другой стороны, разве могли мальчишки упустить такой шанс – встретившись в дороге, они тут же сообразили, что будет здорово, если в эти августовские деньки в Москве будут неразлучны.

Ребята облегченно вздохнули, когда Юрьев, помешкав, принялся отвоевывать у бумаг лишние сантиметры, чтобы устроить спальные места для обоих на полу. Младший подмигнул приятелю: я же говорил, что мой папа из любой ситуации найдет выход. Утром, едва открыв глаза, подростки включили телевизор и разочарованно переглянулись: какой-то балет... Отец, облокотившись на подушке, хмурился.

– Папа, ты не любишь балет еще больше, чем мы? – возторженно удивился сын.

– Да-да, – рассеянно кивнул тот, отыскивая ногами шлепанцы: в запертую дверь уже нетерпеливо барабанил Кужугетов.

– Не нравится мне просыпаться под «Лебединое озеро», что случилось, а?

Мальчишки молча наблюдали за встревоженными взрослыми, которые не сводили глаз с экрана:

– Сам знаешь, по каким случаям у нас в стране вошло в привычку слушать классическую музыку... Может, кто-нибудь умер?

Откуда-то снизу нарастал глухой рокот, вытесняя собой грустную музыку Чайковского. Все, не сговариваясь, ринулись к окну. Мимо общаги, громыхая, ползли танки. Мальчишки глазели на невиданное зрелище и не могли понять, почему им совсем не хочется кричать «Ура-а!», почему на фоне припаркованных разноцветных машин танки кажутся унылыми, уродливыми жабами. Лязгая гусеницами, они упрямо ползли вперед...

Взрослые помчались вниз к «Волге», Юрьев на ходу крикнул мальчишкам: «Сидите здесь, носа на улицу не высовывайте, пока я не вернусь! Присмирившие пацаны наблюдали, прижав лбы к стеклу, как «Волга», визжа тормозами, сорвалась с места. Юрьев-младший объяснил своему другу:

– Они оба работают чрезвычайными... забыл дальше. Не важно, но я думаю, сейчас самая что ни на есть катастрофа...

С юго-запада до Красной Пресни добирались, петляя переулками. Смотрели, как город наводняют войска, и с деланным безразличием перебрасывались фразами.

– Ну и что делать будем, перевес на стороне ГКЧП...

– А мы с тобой на чьей стороне будем?

– Да, не привечало нас Российское правительство...

– А все же придется быть с ним до конца...

На работе царила судорожная суматоха. Римма закричала с порога:

– Председателя – срочно в Белый дом!

Как обычно, пошли вдвоем. Кужугетов скрылся за тяжелой дверью, Юрьев остался ждать на подступах. Стоял и не верил своим глазам: вокруг рычали танки, суровые военные отдавали приказы...

Один из танков никак не мог развернуться, вертелся на месте, гусеницы отчаянно лязгали, вгрызаясь в зеленый газон. Ключья травы вперемишку с черноземом летели во все стороны. «Тоже мне, газонокосилка!» – подумал уставший ждать Юрьев. Поднял голову и оторопел.

Отчаянно размахивая руками, через площадь мимо танков бежал Кужугетов, а впереди него, подпрыгивая по брусчатке, скакал пистолет. («Вокруг танки, а этот недотепа с пистолетом в салочки играет!») Наконец тот изловчился, поймал пистолет и неуклюже засунул за ремень брюк. Юрьев потрясенно смотрел на друга:

– Откуда у тебя пистолет?

– Выдали!..

– Плохи дела...

Они брели по площади, которая неуловимо менялась. Она уже не выглядела такой бездушно-серой, какой была еще полчаса назад. Вокруг Белого дома, как искры надежды, то

и дело вспыхивали стихийные митинги.

– Слушай, надо что-то предпринять на тот случай, если понадобится «скорая помощь»... Вон сколько людей уже собралось, а сколько еще подтянется?..

– Да, надо заняться формированием бригад медиков, а то бог весть что тут будет твориться к вечеру.

...В карете «скорой» отпаивали пожилую женщину. Глотая валокордин с видом человека, решившего принять сто граммов для храбрости, она то хваталась за сердце, то пыталась выглянуть из машины, едва не выпадая из нее. Медики в очередной раз успевали поймать ее за плечи, усаживали. Седой врач пытался урезонить свою беспокойную пациентку:

– Вы же пожилой человек, идите домой, что вы тут забыли?!

– Вы тоже не юноша, – она уничтожающе посмотрела на него, – однако сюда зачем-то примчались!

Врач покосился на молоденьких медсестер и, сдерживая раздражение, перевел разговор на тему здоровья:

– С таким давлением сердечный приступ вам обеспечен, если вы немедленно не возьметесь за ум.

– Господи! Тут вся страна с ума сошла, а вы от меня благоразумия требуете. Я бы, может быть, и не пошла, если бы можно было включить телевизор, радио и узнать правду... – и добавила едко, исключительно для седого врача. Мне, старой, тоже не все равно, в какой стране я сегодня просну-

лась...

Белый дом возвышался над людьми и танками безмолвной, белой глыбой, средоточием ответов на все вопросы. Если бы они были...

– Нужно срочно донести до руководителей и общественности правду о позиции Российского правительства, о политическом заявлении Ельцина! – кричал один оратор.

– Необходимо срочно распространить вести по всей стране, СМИ ведь молчат, – подхватывал другой.

– Очень важно обратить в свою веру регионы, добиться от них поддержки, – не сдавался первый.

Кубарев, примкнувших накануне к чрезвычайщикам, поморщился («Болтовня!») и кивнул своему новому начальству: мол, поговорить надо. Отошли в сторону, стали у подоконника.

– Давайте развернем на крыше антенну, оповестим радистов, чтобы были на чеку, готовые сообщить всему миру, что тут у нас...

– У нас наработанные контакты со спасательной службой радиолюбителей еще со Спитака.

Полезли на крышу... Оттуда открывалось живописное батальное зрелище. Среди серо-зеленых громадин танков метались маленькие фигурки людей, белели вдали машины «скорой помощи»...

– Как будто Бондарчук «Войну и мир» наших дней снимает, – усмехнулся один из новоявленных спасателей-ради-

стов, поглядывая вниз.

– Ну что, где наш начальник оперативного отдела, чего не командует? – спросил Кужугетов.

Кубарев даже не сразу понял, что это о нем речь. Да уж! Двенадцатого августа безработного полковника приняли на работу, а неделю спустя, девятнадцатого августа, он тащит коротковолновую радиостанцию, чтобы на весь мир передавать указы Российского правительства, того самого, которое ничего не сделало для того, чтобы защитить полковника, осмелившегося предсказать путч задолго до его начала...

В удостоверении, всем своим видом напоминавшим мандат образца семнадцатого года, значилось, что заместитель председателя Комитета по чрезвычайным ситуациям Юрьев является полномочным представителем Российского правительства. Юрьев мандат этот аккуратно свернул, потом снова развернул, чтобы уже через несколько секунд свернуть снова... Предстояло немедленно лететь за Урал. Но как? «У меня же в общежитии дети! Полный кошмар. Нужно срочно отправить мальчишек в Красноярск. Но на чью помощь рассчитывать? Никаких особых знакомых в Москве нет, подчиненных – тоже...» По всему выходило, что кроме как сотрудникам звонить некуда. Позвонил Римме, секретарю, домохозяйке – та трубку сняла после первого же звонка. Объяснял как мог ситуацию, сетуя, какие суконные слова для этого находит. «Ну разве кто-нибудь взвалит на себя ответственность за чужих детей? Сейчас нормальные люди только о себе думают...» Он так погрузился в эти мысли, что вздрогнул, когда Римма, думая, что плохо слышно, повторила уже громче: – Ну да, да! Я отправлю мальчиков... Алло, вы слышите меня?

Он все еще стоял и смотрел на телефон: «С таким человеком я готов работать всю жизнь!». Он едва ли не вздрогнул, когда на стол со стуком легли буханка хлеба, пара консервов

и две бутылки водки. Обернулся. Сзади стояли немногочисленные сотрудники. У всех был нарочито деловитый вид. — Командировочных тебе, конечно, никто никаких не дал?.. На стол рядом с «пайком» лег конверт с деньгами.

— Это вам с Шаровым на дорогу, мы тут сбросились...

В ночном Домодедово царило столпотворение. Шаров, пытавшийся пробиться к администратору, вынырнул из толпы:

— Народу полно, все из Москвы сматываются, купить билеты невозможно, что делать? Нам ведь за сутки обернуться надо. А если сказать, кто мы такие?

— Да кому говорить, если к кассам не пробиться. А вдруг нас элементарно арестуют?

Но выхода не было. Они вытащили свои мандаты. Юрьев показал удостоверение взбудораженной толпе, подняв его над головой, и очень буднично, едва ли не по-домашнему просто сказал в раз притихшим людям:

— Знаете, мы представители Российского правительства, нам нужно срочно лететь по заданию...

Взбаламученные, измотавшиеся в очередях люди, стремившиеся вырваться из охваченной путчем Москвы, оторопело смотрели на высокого мужчину, так просто и открыто признавшегося в том, о чем все решались лишь перешептываться — в поддержке правительства Ельцина, в противостоянии ГКЧП. Станный этот человек с открытым взглядом, мягким, спокойным голосом говорил об этом толпе!

А впрочем, почему толпе? Разве мы – толпа? Мы – народ! Все расступились. А эти двое прошли сквозь людской коридор к кассе, купили билеты и полетели в Абакан.

«Ту-154» пошел на промежуточную посадку. Едва шасси коснулось бетонной полосы, как самолет рывком отбросило в сторону. Дюралевая махина, вспахав аэродромную траву, все же успела остановиться в десяти метрах от заграждения. Поспешили подать трап. Стюардесса в дверях, потирая ушибленный локоть, с натянутой улыбкой объявила о вынужденной посадке. У лопнувшего колеса столпились авиа-технические... В местной администрации дверь в кабинет председателя райсовета нараспашку.

– О-о-о, москвичи?! – стремительно шагает навстречу хозяин, радушно протягивая гостям для рукопожатия сразу две руки – правую и левую.

Мандаты читает долго и сосредоточенно, как и полагается читать серьезный документ. Разве что слишком уж суетливо свернул, поспешив вернуть назад, слоено бумага руки жгла... Слушал внимательно, участливо кивал.

– Спасибо, теперь будем знать, что происходит в Москве, какова позиция правительства, а заодно и чувствовать себя намного увереннее, – и, налегая на крышку стола грудью, плавно переходящей в живот, доверительно понизил голос: – Знаете, люди на стороне Бориса Николаевича Ельцина.

– Ну и отлично, – поймал его на слове Юрьев. – С человеком, поддерживающим Российское правительство, говорить

проще. – Мы будем вам очень признательны, если дадите возможность выступить на телевидении.

– На телевидении? – председатель райсовета закашлялся и начал перекладывать папки на столе. – Есть распоряжение местный канал не включать...

– Чье распоряжение?

– Ну-у-у, – председатель, закончив складывать папки стопкой, принялся раскладывать их веером, – не распоряжение, так мнение... – И уже глядя в спину уходящим москвичам, добавил взволнованной скороговоркой, едва ли не шепотком: – Передайте в Москве, наш райсовет поддерживает Российское правительство. Мы с вами, товарищи!.. – и осекся под взглядом обернувшихся на мгновение «товарищей».

Диспетчер в аэропорту долго изучал удостоверение пассажира, которого во что бы то ни стало надо было посадить на рейс:

– Этот ваш ГКЧС, не то же самое, что ГКЧП?

– Нет! Совсем наоборот, – прозвучал категоричный ответ.

Крошка «Як» проворно взмыл вверх. За иллюминатором неслись клочки облаков, как точка-тире в азбуке Морзе. Стоило закрыть глаза, как тревоги сегодняшнего дня выстраивались длинной чередой вопросительных знаков. «Опасность растворена в воздухе. Каждый человек в этой несчастной стране бьется сегодня в сущности над одной и той же проблемой – проблемой безопасности. Только все понимают ее по-разному...»

Едва самолет набрал крейсерскую высоту, стюардесса разнесла минералку в пластиковых стаканчиках. А теперь от нечего делать она украдкой наблюдала за пассажиром, которого посадили на резервное место. Тот сидел и сосредоточенно наблюдал за каплей, зависшей на краю стаканчика. Капля сползала вниз. Набирая скорость, она торила себе русло. Огибала одни участки, перебегала другие, заполняла третьи. «Путь капли на стакане и есть „кривая катастрофы“? А те точки „ландшафта“, в которых она побывала, и есть места бедствия? У каждой беды свое русло? А все, что вне его, то зона безопасности?» Стюардесса не выдержала и склонилась над пассажиром, уставившимся на стакан.

– Может быть, чего-нибудь покрепче?

– Что? – не сразу понял Юрьев. – Нет-нет, спасибо...

Забежал домой. Времени на разговоры нет. Кинулся к телефону, звонить первому секретарю крайкома.

– Ты в городе? Зачем? – от вальяжного тона нет и следа.

Юрьев молча нажал на рычаг, стоял и слушал короткие сигналы и почему-то никак не мог отделаться от воспоминания: только что заступивший на должность секретарь подходит к ним, Кужугетову и Юрьеву, и провозглашает тост:

– Ну, мужики, за дружбу, которой чужды трусливые номенклатурные соображения! Должности приходят и уходят, а люди должны оставаться людьми! – А потом, когда уже было выпито немало, приобнял обоих за плечи: – Спасибо за поддержку, ребята. Я не забуду, как вы помогали, чтобы

мое назначение состоялось. Не забуду...

Юрьев посмотрел на встревоженных домашних, развел руками:

– Назревает ситуация! – и уже к старшему сыну: – Отвези меня на машине в аэропорт. На нет и суда нет.

Он летел в Москву, еще не зная, что летит победителем...

III. Уфимская труба

1

Утро у заместителя председателя Совмина Ломова не заладилось. Чем бы ни занимался, мысли упорно возвращались к злосчастной уфимской трубе. Черт знает что такое! Едва пришел на работу, как позвонили из Башкирии, приезжайте, спасайте: на нефтеперерабатывающем заводе обломился кусок трубы весом в семьсот тонн. Эта махина висит и раскачивается в воздухе на высоте в сто двадцать метров, грозя в любую минуту сорваться и раздавить установки с бензином и соляровкой.

Что делать? Откачать топливо? Невозможно, цикл постоянный, все заводы закольцованы, их остановка повлечет за собой гигантские убытки. Тормознуть работу цеха? Бесполезно, ведь все равно в отстойниках топливо. Упав этот кусок трубы, то такое произойдет... Сотни тонн горючего взорвутся вместе с заводом стоимостью в десятки миллионов долларов... Это будет не просто гигантский пожар, это будет экологическая катастрофа, город задохнется от гари и дыма... Ломов разозлился сам на себя: нашел время страшилки придумывать, вопрос решать надо... «Сейчас порешаем, — уговаривал он себя, листая номенклатурный спра-

вочник. – Вот! Нашел!» Он нажал кнопку селектора:

– Соедините меня с председателем Комитета по чрезвычайным ситуациям. Срочно!

Нетерпеливо схватил трубку, не дослушав секретаря о том, кто на связи.

– Это Ломов. Вы – чрезвычайщики, да? Вот давайте и решайте!.. Как что? В Уфе катастрофа, ты раньше меня об этом знать должен, думай, как с этой чертовой трубой быть!

...В тесном кабинете собрались все, кто эти месяцы ходил сюда, как на работу. Только без должности и без зарплаты. Кофе – чашка за чашкой, курево – сигарета за сигаретой... Думали, как снять качающийся оголовок трубы.

– Ну что? Какой из проектов будем разрабатывать всерьез?

– Только без дирижабля, пожалуйста. Проект интересный, но требует времени и средств. У нас нет ни того, ни другого.

Беспечная реплика разрядила обстановку. Остыли и стали рассуждать рационально.

– Самый реалистичный проект – подрыв, но подорвать оголовок нужно так, чтобы взрывной волной его перенесло в какое-то место, где бы он ничего не разрушил.

– Задумано здорово, но как все это осуществить? Придется вспомнить сопромат...

Не тратя времени на дальнейшие словопрения, сели за расчеты. Вроде бы все сходилось.

– А что произойдет после удара? А если оголовок рухнет

и деформирует фундамент? А если вслед за оголовком упадет вся труба? Чем это лучше землетрясения? – Юрьев задавал вопросы один за другим, не поднимая головы, продолжал что-то чертить на четвертинке свернутого листа.

Кужугетов глубоко вздохнул, подавляя в себе желание сказать Юрьеву то, что вертелось на кончике языка. Вместо этого принялся рассчитывать дальше. Наконец оторвался от бумажек, еле сдерживая раздражение:

– Ну, конечно, ты прав. Семьсот тонн нельзя опустить легко и просто – фундамент разрушится, труба наклонится и то же упадет.

– И все же взрыв – единственный способ положить на землю этот качающийся кусок, но как его положить?

Наконец, вволю помучившись, додумались раздробить оголовки взрывом, поделить семисоттонную махину на несколько частей. Они упадут не все сразу в одно мгновение, а с разрывом во времени – следовательно, не дадут такого сейсмического эффекта, который мог бы разрушить завод. А чтобы еще больше перестраховаться, решили внизу сделать «подушку» из опилок и песка.

– Все! – Кужугетов хлопнул по стопке расчетов. – Приступаем к реализации проекта. Пока мы в Москве делаем окончательные расчеты, в Уфу отправим оперативную группу из спасателей и подрывников. В контакте с нами будет работать команда саперов из Министерства обороны. Военные рассчитают силу и технологию взрыва, а спасатели... – Он

посмотрел на собравшихся: в штате четыре человека а в кабинет набилось раз в десять больше. Младшему, Мише Игнатову, всего восемнадцать, а тоже ехать рвется, ни командировочных, ни премиальных ему не надо, только бы взяли. Председатель вздохнул и с ударением на втором слове произнес: – Спасателям-общественникам предстоит поднять взрывчатку по этой трубе и закрепить ее там...

Зависшая над заводом махина от порыва ветра качнулась и, как гигантский маятник, взметнулась на два метра вправо, потом влево... Альпинисты вскарабкались вверх по технологической лестнице. Самые верхние ступеньки были сломаны. Последние семь метров пришлось лезть, как одичавшим кошкам. Альпинистское снаряжение только и выручало. Залезли, глянули вниз с высоты ста двадцати метров... А на земле тоже кипела работа.

– Михалыч у нас как Ильич на субботнике, – перемигивались между собой спасатели, не без удовольствия наблюдая, как начальник оперативного отдела таскает наравне со всеми бревна.

Они нужны были в огромном количестве для того, чтобы для срезанных взрывом обломков трубы сделать «подушку». Вместо пуха ее «набивали» слой за слоем бревнами, опилками, камнями, снова бревнами, снова опилками...

Болели руки и плечи, ломило спину, на ладонях набухали мозоли, саднили ссадины. Кубарев не спал всю ночь, ворочался с бока на бок, вставал, пил чай, опять ложился, снова вставал – думал. «Ну хорошо, «подушку» положили, расчеты делали день и ночь, они себя оправдают, ребята уже начали закладывать заряд.

Вот-вот можно будет взрывать. Но как это все организо-

вать, чтобы не угробить никого? По заводу бродят все, кому не лень, со смены на смену...» Утром пришел к Председателю Верховного совета республики и на ходу протянул бумагу:

– Вот, у меня проект приказа о создании штаба по ликвидации чрезвычайной ситуации. Первое решение штаба я уже набросал. Если вы его не подпишите, могут быть огромные жертвы.

Ракитов, не тратя лишних слов, молча прочитал и подписал.

...На заводской проходной радостно замахали:

– О! Наш ГКЧП приехал!

– Ну вот, и здесь перекрестили, – Кубарев вроде бы и засмеялся вместе со всеми, но успокоиться долго не мог, бормотал себе под нос: – Вот же, Господи, был диссидентом, сделал все, чтобы этот ГКЧП потерпел фиаско, а оказался почти рядом – в ГКЧС. Представившись – начальник оперативного отдела ГКЧС, все таращат глаза, дескать, неужели не всех путчистов пересадили, – и заметив, что его слушают, громко добавил: – Забавно...

Альпинисты вскарабкались на двадцатиметровую высоту, затащили туда инструмент, потянули толстенный кабель.

– Ох, изобрели бы портативный аккумулятор!

– Размечтался, давай тяни...

Следом втащили взрывчатку, заложили. Уже было спус-

каться решили, не тут-то было.

– Эй, наверху! – У Фадеева голос зычный, в авиации работал. – Тут военные говорят, надо взрывной заряд укутать матами, одеялами. Это чтоб взрыв внутрь ушел... После обеда придется этим заняться.

– Нам тяжело вверх-вниз лазить, давайте сразу сделаем, не прерываясь, поднимайте маты... Хорошо, бы и обед наверх. Желательно с поварами вместе!

Тут и девочки из столовой прикатили, недоумевают: кого же нам кормить, не уж-то одного начальник? Хотя нет, вон они, едоки, наверху. Девчонки головы запрокинули, за косынки держатся, чтобы не свалились, кричат, на смех сбиваясь:

– Ребята, вы чего будете на первое?

Отобедали, уже за работу приниматься собрались, а девочки не унимаются:

– Ребята, у нас есть виноград, будете? Какой – черный или белый?

– Вот это жизнь, так бы тут и сидели! Да давайте любой, все равно съедим...

Кабинет, доставшийся Юрьеву, походил на кладовку. В нем от силы могли вместиться только два человека. Причем если один сидел, то другой должен был стоять. Так оно и было: Юрьев сидел за столом, Кужугетов стоял у единственного окна. Оно выходило напрямиком на вольтер с антилопой, которая орала и пахла. Эта вонь смешивалась с запахом дешевого, крепкого табака...

– Если уфимская труба сама упадет от ветра, и завод взлетит на воздух – это будет иметь для нас одни последствия, а если все рухнет в результате нашего взрыва – это нам придется расхлебывать долго...

– Да, но у ребят ведь все готово к взрыву. Мы можем за просто уйти от принятия этого решения. «Спасать» завод от семисоттонного оголовка трубы – разве это дело спасателей?

– Конечно, нет. Но кто-то же должен знать, что нужно делать, когда никто этого не знает...

– Выходит, это мы и есть?

Заводская территория опустела. Замерли цеха. Только надломленная труба как ни в чем не бывало продолжает выплевывать клубы черного дыма. Бронетранспортер поодаль казался лишним, а на самом деле очень нужен. Он – единственное укрытие для горстки оставшихся на заводе людей.

– ...Пять, четыре, три, два, один... – отсчитывает в Москве по телефону Кужугетов.

– ...Пять, четыре, три, два, один... – повторяет за ним, прижимая трубку к уху, Кубарев в Уфе.

– Огонь! – командуют в Москве.

– Огонь! – эхом отзываются в Уфе.

Смолк грохот. Рассеялся дым. Осела пыль. Искореженный, раздробленный семисоттонный огрызок лежал там, где ему и следовало лежать, – на «подушке». Вверху по-прежнему дымила труба. Внизу, у бронетранспортера, прыгали, обнимались люди и кричали: «Ура!». Труба стала для них вершиной, которую они покорили.

... – Ну что, – Ракитов с усмешкой посмотрел на вошедшего Кубарева, – проект наградного листа приготовил? Давай подпишу... Нет? Ну что же, тогда давай награжу по-своему. – Наклонился к селектору: – Меня нет ни для кого...

За затворенной дверью в задней комнатке – другой мир. Уютный, радушный, неспешный. Гостеприимный хозяин на стол поставил коньяк, а наливать не спешит. Ждет. Принесли пиалы. В них тягучая жидкость, как расплавленное золото, переливается через край.

– Горячий башкирский мед – самый вкусный на свете! – Ракитов расплывается в улыбке. – Особенно если с коньяком. За победу!

Кубарев потягивал медок, улыбался в ответ, а сам про себя думал: «Вот не дай бог что-то бы мы не так сделали, струх-

нули или сплюховали, первый блин оказался бы комом, и все сказали бы: да нет, ничего они не могут...»

– Я слышал, – Ракилов коньяк подливает, а сам ничего из виду не упускает, – ты вроде бы полковник, а смотрю – в пиджачке ходишь?

– Да, пиджак столетней давности, и армейской моей истории тоже уже сто лет, по крайней мере, мне сейчас так кажется, – и оживился, зацепившись за свой пиджак. – Раз уж заговорили, вы наших ребят не поможете одеть? У нас ведь униформы пока никакой, спецовок и тех нет.

– Конечно, оденем. И пару-тройку переносных радиостанций найдем. А в остальном, полковник, не тушуйся, ты еще ко мне генералом приедешь...

...В Уфимском аэропорту спасателей ждал правительственный «Ту-134». Не переставая удивляться, быстренько погрузились, расселись в мягкие кресла. Самолет взмыл вверх. Улыбчивые стюарды принесли снедь, казавшуюся на фоне привычных пустых магазинных полок фантастической: салями, красная рыба, икра, марочный коньяк, апельсины, ананасы... Посмеиваясь, умяли все, что предложили... Заслуженный мастер спорта СССР по альпинизму Владимир Ильич Бабенко восседал, погруженный в свои мысли. Вдруг воскликнул, хлопая по мягким подлокотникам:

– Не могу поверить, что можно в нормальных условиях на нормальном самолете лететь помогать людям. Вот раньше, когда мы в Армению добирались, прорываясь через кор-

доны, все было понятно, даже по-советски правильно...

– Как думаешь, – переговаривались сзади него спасатели, – Ильич и дальше с нами будет? Если бы не он да не Андрюха мы бы на трубе запарились... Как подумаю, что мы на этом обрубке качались, а он в любую минуту с такой высоты вместе с нами рухнуть мог...

– Так он ведь и не на наши головы упасть мог... Но Ильич пошел с нами, потому что ему было как бы по пути, но это не его дорога. Он альпинист, а не спасатель...

– Чудак, а кто здесь спасатель? Такой профессии вообще нет, я даже специально в тарифно-квалификационном справочнике смотрел. Нет там нас с тобой!

Нарисовавшийся на пороге Кужугетов был сосредоточен и строг, разве что в карих глазах плясали бесенята.

– Новая чрезвычайная ситуация. Действовать надо немедленно. – И, выдержав паузу, наслаждался зрелищем всеобщего оживления, готовности немедленно мчаться хоть на край света. – Так... Звонила москвичка, адрес вот, – он помахал листком. – У них в подъезде змеи расплзлись по всем этажам и скоро всех перекусают. Говорит, раз про наш комитет писали в прессе, что мы в Уфе справились с трубой, то должны и змей выловить. Кому поручим?

– Раз змеи еще никого не укусили, то предстоит не ликвидация последствий ЧС, а ее предупреждение...

Подполковник Баграмян был внештатным начальником отдела прогнозирования и предупреждения чрезвычайных ситуаций, хотя формально еще числился в Министерстве обороны. Но после того, как однажды зашел к чрезвычайщикам, он отложил диссертацию, взял отпуск на службе и стал ходить сюда ежедневно, как на работу. Ровно через пять минут после того, как решили, что змей будет ловить Баграмян, тот вошел в кабинет Юрьева и, плотно закрыв дверь, сообщил:

– Я вообще-то специалист в области сейсмики...

– Ничего страшного, ты теперь специалист во всех обла-

стях, – успокоил его Юрьев и поскольку окно в кабинете выходило на зоопарк, посоветовал: – Подумаешь, змеи. Миша, иди в зоопарк, найди там кого-нибудь. кто этими червяками занимается, и все.

Через полчаса Баграмян снова возник на пороге кабинета. И не один. Маленький, круглый Баграмян в форме подполковника стоял в окружении двух представительниц прекрасного пола. Справа от него стояла пигалица, метр сорок. Слева – ее подруга, под два метра. Обе – большая и маленькая – были в резиновых сапожищах и таких же фартуках до пола. В руках они держали какие-то сетки, мешки, крючки. Троица выжидающе уставилась на человека за столом. Вся фигура Баграмяна излучала сдержанную радость.

– Змееловы? А чего сюда? – остудил его Юрьев. – Отправляйся змей ловить.

В переполненном троллейбусе на троицу ошарашенно глазели.

– Мама, мама! – теребили маму близняшки. – Кто это?

– Тише вы, я не знаю, – отмахивалась мама, не в силах оторвать взгляд от команды Баграмяна, пока не спохватилась. – Ой! Мы остановку проехали!

В доме охваченные паникой жильцы, рассмотрев в дверные глазки лихого военного, настороженно потянулись в подъезд. Бабушка, отважно спускавшаяся со второго этажа на первый, потрогала Баграмяна за рукав.

– Эти дамы, что с вами, – зашептала она, косясь на змее-

ловов, – они – кто?

– Эти дамы из террариума.

Бабушка сделала большие глаза и без того огромные под толстыми линзами очков. Внимательно рассмотрев змееловов с головы до ног, поспешно посеменила к себе, приговаривая:

– Я сейчас, сейчас... Ой, так спешу, что, наверно, сейчас упаду, – и скрылась у себя в квартире. Было слышно, как на втором этаже хлопнула дверь.

Змееловы осмотрелись по сторонам, пожали плечами и переглянулись: мол, откуда тут змеи могли взяться?

– Какая-то душевно больная особа зашла в подъезд, мешок с ползучими гадами раскрыла и ушла, – слышался знакомый скрипучий голосок.

Баграмян оглянулся. За его спиной стояла та самая бабушка, только уже в белоснежных резиновых сапогах на рифленой подошве. Наверно, внучка подарила. Змееловы снова переглянулись. Высокая нагнулась и пробасила:

– Если змеи расплзутся и начнут размножаться – беда. Правда, Зинаида?

Миниатюрная владелица солидного имени с обожанием посмотрела на свою подружку и пропищала, радуясь своей догадке:

– Тогда они в подвале, Машенька!

Баграмян решительно надвинул фуражку на глаза и ринулся вслед за змееловами. Дюжая Машенька решительно

отстранила его, обронив сочувственно:

– Вам туда не стоит лезть, товарищ подполковник!

– Да, – радостно закивала крошечная Зинаида, – вы лучше нами отсюда руководите.

Ровно в пять утра Баграмян доложил, что змеи отловлены. А в пять минут шестого за ним прочно закрепилась кличка Змеелов.

Полковник Кубарев скосил глаза и посмотрел на свое плечо: на нем привычно лежал погон. Погон как погон: два про света, три звездочки. Отлегло от сердца! Восстановлен в армии и откомандирован в Российский комитет по чрезвычайным ситуациям вместе с другими четырнадцатью офицерами. Один из них сейчас перехватил взгляд Кубарева и рассмеялся:

– Ну ты, Михалыч, прямо как третью мировую войну выиграл, победитель!..

Кубарев смеется вместе со всеми, похлопывая себя по погону: «А что, разве не выиграл? И в армию вернулся, и собой остался. Забавно...»

IV. Дети экстрима

1

Полуразвалившееся здание пожарной части в Подмоскowie венчала новехонькая вывеска: «Центральный аэромобильный отряд». Ситцевая занавеска на провисшей веревочке разгораживала комнату на половину. В плите с чугунными конфорками горели дрова. За занавеской лежал спасатель и читая Жана-Батиста Шарко. «Мальчики, – писал ничего не ведавший о спасателях полярный исследователь, – с этого момента предупреждаю вас, что «если вы станете вести себя плохо, это будет проявлением трусости, так как у меня нет возможности наказать вас; я не могу вас взять в железа – вы знаете, что на борту нет никаких оков, да и команда слишком мала, чтобы я мог себе это позволить; не могу также лишать кого-нибудь положенной квартиры вина, ибо оно необходимо для здоровья; не могу сделать на вас начет – плевать вам на жалованье...»

Каждое слово попадало в точку. Парень грыз сухарь, бережно смахивая со страниц крошки, посмеивался и не мог оторваться от книжки «Поэтому, – подводил итоги Жан-Батист Шарко, – я просто вашей совести и надеюсь, что вы исполните свой долг – немножко из-за привязанности ко мне,

но прежде всего ради миссии, которую мы на себя взяли, – и никогда не забудете, что честь Родины – в ваших руках». Спасатель запустил пальцы в волосы и задумался.

...Толчком к объединению спасателей стало спитакское землетрясение. Там, в руинах, под которыми остались десятки тысяч человек, среди ужасающей человеческой трагедии они встретились и с тех пор не теряли друг друга из виду, даже попытались объединиться в общественную организацию. Это было свобододолюбивое, почти неуправляемое войско, умевшее действовать в горах, лесах, труднопроходимой местности, заниматься поиском, обучением, спасением людей. Нищие профессионалы, брошенные на произвол судьбы. Когда на Театральном проезде замаячили их долговязые фигуры, один из сотрудников, перешедших на работу из союзного комитета, не вытерпел. Еле разминувшись с высоченным парнем и его огромным рюкзаком, дышащий как паровоз чиновник ворвался в кабинет к Кубареву:

– Куда ты тащишь этих чумазных и патлатых? Они получают немножко денег, очухаются и бросятся в загул! Каждый сам по себе! Командой им не быть! Ты понял?

В профсоюзном штабе на Ленинском проспекте впадали в тоску, завидев на пороге чрезвычайщиков.

– Опять вы! – хваталась за пышную грудь блондинка. – Да забирайте вы этих робинзонов! Мы только «за», они – головная боль наша, – и вспомнив, что рука в перстеньках все еще покоится на левой стороне бюста, добавила: – и сердеч-

ная тоже.

– Да-да, – кивали профсоюзные активистки из-за соседних столов, – только они ведь не голые к вам уходят, а с нашим ведомственным инвентарем.

– Одних веревок сотни метров уносят, так что по акту передавать будем. Это вам ни что-нибудь, а профсоюзная собственность! Галочка, проверь, чтобы все точно было!

– А гвозди? Гвозди не забудьте в акт включить! В килограммах пиши!...

...Начальник отряда Центроспаса Фадеев, облокотившись на перила, задумчиво наблюдал с гостевой трибуны за соревнованиями. Стартер выстрелил – спринтеры сорвались с места и побежали плотными рядами, дыша друг другу в спину. «Вот и наш отряд, как эти спортсмены на старте. Совсем неясно, кто из нас добежит до финиша...»

В «той жизни» Фадеев был по профессии авиационным инженером, по должности – председателем горисполкома в том самом городке, в котором теперь обосновался отряд Центроспаса, начальником которого он после некоторых колебаний стал.

– Мужики, я согласен, – но вы должны отдавать себе отчет в том, что если я что-то понимаю в авиации, то абсолютно ничего – в спасательных работах.

Кужугетов кивнул и указал на ясноглазого поджарого парня с пшеничными усами.

– Вот поэтому тебе в помощь Андрей Расков. Он знает,

что такое спасательные работы на земле, в воде, в горах, в воздухе, всюду...

– Ну что, как будем подбирать первых людей? – спросил Фадеев, когда они остались вдвоем.

– Так же, как в горы, – не задумываясь, ответил Расков, – по принципу: я его знаю, могу ему доверять.

– Да, а горизонты будут открываться по мере набора высоты.

2

– Первый раз вижу, чтобы людей на компьютере проверяли, годятся они на работу или нет, – пожал плечами коренастый крепыш, вытирая лоб. – Это что ж, машина будет решать, что мы за люди?

Только что подошедший Андрей Расков услышал окончание фразы и заговорщицки подмигнул:

– Да, и действительно, шут с ним, с этим компьютерным тестом. Главное – впереди. Пошли со мной! – и повел во двор.

– Так, – удовлетворенно произнес Расков и что-то на листочке отметил, когда они пробежали кросс, – теперь физическую и психологическую готовность работать на высоте проверим...

Поднялись на кран. Дальше – больше, на стрелу полезли... Крепыш от других не отстает, пыхтит, но карабкается, руками и ногами за перемычки цепляется... Слез, к крану прислонился, лот с бледного лица вытирает трясущимися руками. Вверх посмотрел на стрелу, да как плюнет: «Да ну вас к черту! Что б я водителем так на работу устраивался!»

– Чего же ты не сказал? Я думал – спасателем...

Парень посмотрел на стрелу, на Андрея, снова на стрелу и ушел навсегда. Расков посмотрел ему вслед и радостно воскликнул:

– Так и надо, чтобы спасатель водителем был...

...«По диким степям Забайкалья...» Гришка пел, закрыв глаза. Высокий голос, взметнувшись, затих.

– Давайте выпьем, что ли? – Гришка извиняюще улыбнулся.

Выпили. Но не из-за того, что очень уж хотелось, а чтобы скрыть неловкую растроганность. В отряде каждый второй – гитарист, пропевший у костра ни одну сотню бардовских песен, а потому в цене не умение брать правильные ноты, а стремление по-хорошему разбередить душу. Хозяева обменялись взглядами: мол, поговорить надо. Вышли, не торопясь закурили...

– Жаль, что не альпинист, – обронил один, – тогда бы Андруха точно к нам его взял бы.

– Да, по физо он на нормативы не потянет, – кивнул второй.

– Ну, между прочим, даже когда спортсменов в олимпийскую сборную отбирают, и то интересуются не только очками, метрами, секундами, – возразил первый и, злясь на себя, затушил окурок.

– Может, пока Раскова нет, а он тебя, Серега, вместо себя оставил, ты певуна этого с испытательным сроком возьмешь? Расков вернется, а тут Гришка на печке сидит и что-нибудь такое тихое, душевное напевает...

– Была не была, – не стал спорить Сергей, – я почему-то уверен, как человек так поет, так и спасать будет...

Сияющий Андрей Расков с порога помахал сложенной самолетиком бумажкой:

– Ну что, мужики, теперь есть такая профессия – спасатель!

Всю неделю напролет Расков обивал пороги Минтруда, проталкивая в тарифно-квалификационный справочник профессию спасателя. И вот свершилось!

– Андрюха, а как же без тебя теперь министерские девочки?

Весь отряд знал подробности того, как Расков для того, чтобы собрать сановные подписи, обаял не меньше десятка секретарш, причем в рекордно короткий срок.

– Девочки? – разулыбался Андрей. – Девочки теперь плачут... Наблюдавший за всем этим со стороны Евгений Алексеевич Колбов только покачал головой. Его приставили к спасателям как опытного «дядьку» к молодым ребятам, которые многого хотят, но в бюрократической игре ничегошеньки не понимают. Он помогал шлифовать постановления, ходить по ведомствам. Сейчас он качал головой, а в душе радовался: «Ничего-ничего, эта малоорганизованная ватага еще себя покажет. Вот и этот уса́тый сделал за неделю то, что нормальному человеку сделать и за месяц просто невозможно по определению. они такие вопросы решают быстро, энер-

гично, в духе капустника. Это нам мешает – значит, надо убрать. Кто сделает? Ты? Хорошо, иди. Сегодня он с бюрократами воюет, а завтра помчится покупать рюкзаки для ребят. Неправда, что если энтузиасты – так обязательно бестолковые люди... Они от беспощадной этой реальности только мускулы наращивают...»

V. Первый опыт выживания

1

Володя Мельничук, попавший в отряд сразу после окончания МГИМО, не обращал внимания на царившее веселье. Он штудировал книжки, стопкой громоздившиеся рядом. Иногда изумленно поднимал брови и бросался записывать что-то в grossbux.

– Делаю для вас дайджест импортной спасательной литературы, – отмахивался он от особо приставучих, – закладываю основы «на вырост».

Вот и сейчас он наткнулся на что-то такое, что заставило его не только схватиться за grossbux, но и немедленно поделиться прочитанным с окружающими:

– Мужики, а ведь существуют стандарты для участия в международных спасательных операциях! Например, две недели отряд должен жить автономно, если приезжает на какую-то международную операцию. О нем никто не должен заботиться, потому что в это время как раз самая неразбериха. Отряд спасателей должен работать, а не привлекать к себе внимание...

...Вожак пригнул голову так низко, что острые рога, скрежеща, чертили по льду. Наконец, колени яка подогнулись, пятисоткилограммовая туша рухнула на камни, а рог, последний раз пропахав по льду, обломился. Стадо, испуганно косясь на павшего вожака, теснилось на узком плато, не решаясь перешагнуть костенеющую на морозе глыбу...

Охотник, вернувшийся из тайги, не заходя домой, направился напрямик к директору совхоза. Сбросил лыжи на крыльце и вместе с клубами морозного пара ворвался в кабинет.

– Беда, – выпалил с порога. – Я по следу яков шел, так быки в стаде мрут через каждые пятьсот метров. Захарыч, я такое только видел, когда еще мальчишкой был. Чума это, понял?!

– Как думаешь, – директор посмотрел на капельки пота на скулах деда Петра: этот балаболить не станет, из него слово клещами не достанешь, – с Монголии к нам в Туву чума идет?

– А то! – сообщив самое главное, дед снова обрел свою обычную неразговорчивость.

Захарыч, повертев в руках немую телефонную трубку и вволю настучавшись по рычагам на аппарате, раздраженно отвернулся от телефона:

– Опять связи нет, – и, уже путаясь в рукавах полушубка, на ходу бросил: – Я в райцентр поеду, а ты бери ветеринара нашего и вместе с ним на лыжах к ближайшей из туш, пусть он посмотрит, что да как.

...Дед Петр недоверчиво смотрел на выгружавшихся из самолета москвичей. Ни дать ни взять альпинисты. С рюкзаками, в легоньких куртках, в ботинках на подошвах, как стиральная доска. Таких летом в горы наезжает тьма-тьмущая. Так то летом. А сейчас, когда вокруг зима, минус сорок пять с ветром, что им здесь делать? Чуму останавливать? Да они скорее сами от холода очумеют. Директор совхоза приосанился, направляясь к трапу. Всем по очереди пожал руки, приговаривая:

– С приездом, товарищи! Милости просим на Тувинскую землю, – а сам свободной рукой деду машет, мол, и ты походи, что пнем встал.

Дед Петр директора понял, но торопиться не стал, все его внимание было занято тюками, которые выгружали из чрева самолета. Он подошел к одному из них, пнул валенком, убедившись, что тяжелый, потом, стащив рукавицу, наклонился и пощупал. И без того стывшие на морозе пальцы холодила покрывшаяся инеем резина.

– Это что ж такое тут приперли за тыщи верст? – рассуждал сам с собой старик, пребывая в полном недоумении.

– Это модуль, отец, – откликнулся один из спасателей, на время переквалифицировавшийся в грузчики, – мы его

надуем и жить в нем будем.

– А то! – закивал, закипая, дед, но слов лишних тратить не стал, отошел.

Спасатели тем временем штабелями громоздили ящики со взрывчаткой. Намучились, пока в Москве выпросили. В комитете ничегошеньки, кроме бумажного права государственного органа привлекать другие ведомства к ликвидации чрезвычайной ситуаций. Самых несознательных и прижимистых пугали жуткой перспективой:

– Вы понимаете, что это реальная угроза возвращения чумы крупного рога. Впервые за сорок лет! Если эпидемия разбушует, то потребуются миллионы и миллионы, а вам сейчас рубля жалко, чтобы остановить чуму на границе? Нужна масштабная операция с применением авиации, с использованием энергии взрыва. В этом нам помогите, а остальное берем на себя.

Отступали, соглашаясь. Были и такие, что и вместе со спасателями (половина которых – добровольцы, в штате не числились, зарплаты не получали) в экспедицию были готовы отправиться Один из них – Владимир Синявский, руководивший мобильным госпиталем института медико-биологических проблем, – и посоветовал жить не в палатках, а в отапливаемых модулях. В порядке эксперимента.

– А что, – обрадованно согласился Кужугетов, – и на будущее пригодится. Лагерь-то будет на высоте трех тысяч метров, ниже – смысла нет.

Вертолет, подхваченный порывом ветра, неотвратимо сносило влево. «Ми-8» беспомощно барахтался в воздухе, кренясь и зачерпывая лопастями винтов снежную кашу, сдуваемую с отвесных скал. Внизу, в расщелинах, черными точками рябили полузанесенные снегом туши.

– Да они туг по всей границе, – прокричал второй пилот, ставя на карте очередной крестик. – Вот работенка будет!

– Уходим, – первый пилот осторожно разворачивал машину. Пешие спасатели посмотрели вслед сбившемуся набекрень вертолету.

– Если все время так дуть будет, то на вертушку особо рассчитывать не придется. При таком ветрище летчикам туши со скалы не снять...

– А то! – согласился дед Петр и взялся за лом, давая понять, что пора и за дело приниматься, скотомогильники делать.

Застывшая земля не поддавалась. Металл с заунывным бряцаньем отскакивал ото льда.

– Так не пойдет, – спасатель мягко отобрал у него лом. – Взрывать будем.

Старик почти с детским любопытством наблюдал, как подрывники колдовали над взрывчаткой, соединяя цветные провода. Раздался взрыв, брызнули фонтаны промерзшего

грунта. Над головой и под ногами – горы. Сверху отлично видно, как на нижней «скальной полке» толща снега раскалывается, кипящая от скорости снежная крута несется вниз в густой пелене, петляя в лабиринтах трещин и ледовых стен. Лица почернели, глаза запали. Вершина недалеко, но сил остается все меньше. Каждый шаг на такой высоте стоит усилий. Дышать все труднее. Сердце бьется, как паровой молот. На грани изнеможения...

– Трос, трос поправьте!

Заиндевшая глыба вздрогнула, отрываясь от камня, покатились вниз с мерзлым стуком потревоженные осколки. Стоявший у края обрыва спасатель, не удержавшись, рухнул вниз, наперегонки с ледяными обломками. За ним тут же ринулись вниз, срывая на ходу куртки, чтобы сподручнее было лезть. Ветер веревку треплет, словно тяжести тела не чувствует. Спускались, не отрывая глаз от маленькой распластанной фигурки на самом низу расщелины...

Когда парня вытащили из ущелья, оказалось, что сломано бедро, разбиты руки, голова. Подступала ночная темень, а вместе с ней и ледяной холод. Разбили палатку-дневку. Уже спустя несколько часов все трое почувствовали сильную боль в руках и ногах – первые признаки обморожения. Горы опасны тем, что все здесь происходит гораздо быстрее, чем в долине. Пострадавшему становилось все хуже. Рана бедра забрала около двух литров крови. А тут внезапно сменилась погода. Метеорологи называют это «снежным зарядом»:

в считанные минуты исчезает солнце, все погружается в туманную мглу, ветер реет модули, снежинки превращаются в горошины... Кое как дождались утра. Развиднелось – подоспела помощь...

Вертолет поднялся ввысь – скорее, в больницу Проводили взглядом и, не сговариваясь, вернулись к работе. И так день за днем. Павших яков искали вдоль всей границы, находили, собирали в скотомогильники, пробовали сжигать, но тщетно, окоченевшие трупы не горели Засыпав известью, хлором, их хоронили во взорванной вечной мерзлоте, огораживая гиблые эти места колючей проволокой.

– Восемьсот! – хлопнул застывшими на морозе рукавицами спасатель. – Юбилей, мужики! Восьмисотый як. Это надо отметить!

– А я от деда Петра слышал, что завтра Новый год потувински...

Вечер прошел в праздничных хлопотах. Оттаявшую елку торжественно водрузили в центре модуля, украсили ракетницами, разноцветными коробками из-под чая и блестками фольги.

– Ну вот, отпразднуем и домой. Всего ничего, полтора месяца назад из Москвы уехали...

VI. Над горящим арсеналом

1

Огонь бежал по сухой траве, как по бикфордову шнуру. Еще мгновение – и штабеля ящиков с боеприпасами вспыхнули. Полыхали огромные хранилища, вместившие в себя свыше тысячи железнодорожных составов артиллерийских и реактивных снарядов. Они долетали до Еревана, оставляя выбоины в стенах зданий на окраине города.

– Срочная эвакуация! – Милиционер махал рукой, созывая жителей домов. – Срочная эвакуация! Бросайте все! – И в ответ на вопрос, а что там, на армейском складе, смачно сплюнул: – Да черт его знает! Может, там и химическое оружие... Никто не знает. Грузитесь побыстрее!

Старуха с растрепанными космами седых волос, не услышав, истошно кричала, созывая свою большую семью:

– Пожа-а-ар!

Тем временем самолет президента Армении лег на обратный курс – из Турции домой. Президент дремал, откинувшись на белоснежную спинку кресла. Вздволнованные помощники шептались во втором салоне, мешая армянские слова с русскими.

– А может, не говорить? Прилетим, сам увидит...

– Ты с ума сошел, там, может, пол-Еревана разрушено, зарево полыхает, боеприпасы рвутся, а мы не скажем?

Правительственные телефоны раскалились до предела. Дипломаты теряли дипломатическую невозмутимость:

– Господа, если это и не война, то на войну очень похоже. Артсклад находится на территории суверенного государства, хотя числится за российским министерством обороны и охраняется русскими солдатами. Назревает политический конфликт...

Военные эксперты, призванные на совещание, заговорщицки переглянулись: мол, ну как этим «пиджакам» объяснишь тонкую военную специфику?! Наконец один из них, устало потирая переносицу, снисходительно объяснил:

– Склады боеприпасов никто никогда не тушит, ждут, когда снаряды все до единого взорвутся и все выгорит. Именно поэтому территория распахана на участки Мы, военные специалисты, – с усилием подчеркнул он, – называем такой способ тушения пожара методом естественного выгорания.

На взлетной полосе стоял готовый к взлету «Ил-76». На первый взгляд, самолет как самолет, ничего необычного, если бы не сорокатонное выливное устройство, втиснутое внутрь конструкторами бюро Ильюшина. Из-за этого нововведения авиационные остряки этот «Ил» тут же прозвали «водной бочкой».

– Вот увидишь, – нервничал второй пилот, глядя на то, как рядом готовили к полету обычный «борт», – сейчас придут и скажут, готовность отменить...

– Да ладно тебе, накаркаешь, – оборвал его командир Игорь Шакиров.

Ему не меньше любого члена экипажа хотелось лететь на пожар в Ереван. Никто до сих пор «водной бочкой» ничего тушить не пробовал. Тем более – огромный армейский

арсенал!

– Ничего, ласточка, – украдкой похлопал он самолет по крылу, – сейчас полетим...

Оба «Ила» приземлились в аэропорту Еревана. Из одного самолета выгрузился отряд пожарных, из другого – горстка людей в штатском и два офицера.

Генерал-лейтенант авиации Петросян мрачно наблюдал, как от группы отделились двое – военный со штатским – и зашагали к нему навстречу. «Это что еще за фокусы? – раздраженно думал про себя генерал, совсем не по-уставному засунув руки в карманы. – Москва не могла из одних военных оперативную группу собрать, что могут штатские понимать в артиллерийских делах?»

– Чего прилетели? – командирским голосом прогрохотал Петросян. – Думаете, не знаем, что склады ваши же специально взорвали, чтобы нам не досталось оружие?! Россия хочет поучаствовать в войне между Арменией и Азербайджаном на стороне последнего?!

Юрьев задумчиво посмотрел на небо, окрашенное предзакатным заревом, потом – на часы на своей руке, и только потом – на Петросяна.

– Господин генерал, дело к вечеру, медлить нельзя, времени на политические дискуссии нет. Я прошу вас лишь дать возможность отправить наземную группу – штабистов и пожарников – к месту события и предоставить одному нашему «Илу» воздушный коридор.

Генерал Петросян, ретируясь, но, желая сохранить лицо перед подчиненными, пренебрежительно махнул рукой: мол, дайте им, что они просят, да толку-то!

...Сквозь шум и треск слышится в наушниках голос командира:

– Серии взрывов следуют друг за другом с интервалом в 35 минут!

Юрьев не сразу находит кнопку микрофона, нажимает, кричит нетерпеливо:

– Пожар можно остановить атакой с воздуха? В трехминутное затишье потушить траву, остатки догорающих ящиков... Сможешь?!

И, не дождавшись ответа, сорвал наушники, соскользнул с аппарели и взбежал вверх по трапу, в кабину к пилотам.

– Игорь, ты вправду готов? Надо пролететь над этим складом и сбросить воду на очень низкой высоте, тогда только будет эффект.

– Я вижу, – кричит тот в ответ, – есть разрывы между взрывами! Надо в этот промежуток лопасть! Я готов!

«Ил-76» медленно, как груженная до отказа баржа, нестерпимо медленно кренится влево и уходит на очередной разворот. К иллюминатору приник фотокор Володя Смолин.

Юрьев успевает подумать: «Настырный, черт... Шансов на то, что мы успешно пролетим над пожаром и вернемся мало. Он, видно, считает, раз мы летим, все будет в порядке... А нужно, чтобы все совпало – и наш заход, и отсут-

ствие взрывов. Вероятность угодить именно в этот промежуток не велика. Самолет – не игрушка. Во-первых, всюду горы. Во-вторых, если взрыв произойдет, когда мы будем пролетать над складом, нам не уцелеть...»

Но рассуждать некогда. Сосредоточились, сгруппировались, заняли свои места. Самолет пошел на снижение – шестьдесят метров, пятьдесят, тридцать... Распластавшаяся дюралевая птица накрыла своей тенью малиново-красное пожарище. Время атаковать!

Нестерпимо медленно открылась задняя аппарель... Техники потянули за рычаги... Открылись клапана... И только после этого хлынула вода. Из-за шума двигателя казалось, что она льется беззвучно. Самолет тяжело пошел на подъем, вдогонку ему катилась волна взрывов, словно на горящий склад сбросили не сорок тонн воды, а сорок тонн боеприпасов. Закипевшая в пламени вода на лету превратилась в пар, его мощное давление активизировало взрыватели и те снаряды, которые еще не взорвались.

Гигантская гора, на склоне которой догорал артсклад, неотвратимо приближалась к фюзеляжу самолета. Но работа «Ил» натужно взмыл вверх, заложил вираж и развернулся, выныривая из дыма. Тогда люди, приникшие к стеклу, увидели, что пожара внизу нет. Они забыли, что могли просто-напросто разбиться. Они совсем не радовались тому, что остались живы. Они ликовали, потому что удалось попасть в эпицентр пламени и загасить его... Легли на обрат-

ный курс, приземлились, в лихорадочной спешке заправились водой и затребовали взлет. В сгустившихся сумерках было отчетливо видно, что там, внизу, тлеют головешки гигантского костра. Атаковали едва ли не на ощупь и, улетаая, видели, как на земле сгустилась тьма — ни всполоха, ни искры...

Приземлились. Вырулили на стоянку. Заглохли двигатели. Тишина... Спрыгнули на землю. Ноги словно не чувствуют под собой твердой почвы. Невесомость! Такой груз с плеч спал... И тут же мягкой, тяжелой лапой пригнула к земле усталость... А на вечернем аэродроме ни души.

– Дайте нам хоть отдохнуть!

Дежурный глазами хлопает, руками разводит, мол, такого приказа не было. Летчики – народ бывалый, ко всему привычный, полезли обратно в кабину, на ночлег устраиваться, спальники расстилать, тушенку и сгущенку на ужин открывать, стол сервировать. Юрьев на их приготовления посмотрел и, нахмурившись, зашагал в диспетчерскую. Набрал приемную премьер-министра и обрушился, не выбирая слов:

– Ну как же так?! Люди осуществили уникальную операцию, а вы даже элементарное гостеприимство проявить не хотите? Дайте хотя бы гостиницу экипажам переночевать, прежде чем от вас улететь...

И четверти часа не прошло, как на поле вынырнула из темноты «Волга», из нее выскочил запыхавшийся чиновник:

– Я из секретариата премьер-министра. Сейчас мы вас накормим ужином прямо там, в гостинице, а завтра – милости просим на званый обед в наш лучший ресторан. Пр-р-ошу

по машинам!

...Накрытые для банкета столы пустовали, томились официанты. Гости опаздывали... Кубарев и начальник инженерной службы армии шли, не отрывая глаз от земли, след в след, как волки. Оба не первый раз по минному полю шли, а потому назубок знали, что за боеприпасы под ногами валяются, куда ступить можно, а куда нельзя. Дошли до середины склада, остановились, осматриваясь.

– Знаешь, а мне с профессиональной точки зрения было потрясающе интересно, – нарушил напряженную тишину идущий впереди Кубарева офицер. – Прилетели ребята, излучающие доброжелательность, вылили на горящие боеприпасы воду, все в миг взорвалось, потухло...

И оборвал себя, едва ли не на полуслове. Словно что-то остановило. Постояли, помолчали.

– Ладно, – наконец сказал Кубарев, разворачиваясь, – дальше не идем, картина ясная.

Только перешагнули за проволоку – рванула авиационная бомба. Начальник инженерной службы армии головой качает, на москвича смотрит растроганно:

– Вот это нюх!

Тот кивает, закуривает, пожимает плечами:

– Ну да... А может, Бог сохранил.

Снова пошли, а душа рос холодок. И вдруг – откуда он только – телеоператор с камерой на плече. Обогнал, проворно пятясь ведомый Кубаревым маленький отряд...

– Слушайте, он же сам взорвется, и нас всех тут взорвет!

А оператор, ни на кого не обращая внимания, запрыгнул на полуразрушенный ангар и телекамерой на отряд нацелился. Тут на всех напал такой хохот!

– Эй ты, кузнечик с коленками назад, слазь давай!.. Только тихо!

VII. Манави Иванам

1

Один за другим мелькали «батальные» кадры – на горном перевале ухали орудия, вооруженные люди оттаскивали раненых, дети смотрели в телекамеру недетскими глазами... Журналист на фоне толпы беженцев захлеб наговаривал в микрофон:

– Грузино-осетинский длится уже два с лишним года. Война сосредоточилась на перевале вокруг окруженного противоборствующими сторонами Цхинвали. Сквозь эту линию фронта на помощь осетинам прорываются новые штыки – родственники, которые до этого жили в разных уголках необъятной советской Родины. Измученные войной люди хлынули из Южной Осетии в Северную. Владикавказ заполнили толпы раненых и беженцев...

Крупным планом лицо измученного ребенка, выхваченного телеоператором из толпы уныло бредущих людей... Премьер колыхнулся в кресле и потянулся к телефону:

– Подготовьте распоряжение... Чрезвычайщикам немедленно вылететь на границу Осетии, организовать прием беженцев, развернуть полевые госпитали, принять раненых...

И с тоской посмотрел на географическую карту России,

занимавшую едва ли не всю стену. Такое чувство, будто опасный безумец скомкал эту огромную карту и швырнул с размаху в костер. Плотная бумага корчится в огне, вспыхивает, гаснет, снова вспыхивает. Вместе с картой бывшего СССР пылают и превращаются в пепел человеческие судьбы. Мир сошел сума. Взбудораженное сознание сузилось до размера странички, вырванной из крупномасштабного атласа. Берешь такой листок – видишь город, в котором живешь, а города, в котором живет твой брат, на этой страничке уже нет, не влез. . .

Ночи в Цхинвали тревожные. Вокруг рыщут банды, ежедневно вспыхивают стычки, слышны выстрелы. А за высоким забором царит мирная идиллия. Принимают гостей из Москвы с обильным вином и витиеватыми тостами. Засиделись допоздна. Едва рассвело, гости вышли во двор и увидели, что стол снова накрыт. Гостеприимный хозяин обошел всех и вручил каждому по рогу.

– Сейчас вы узнаете секрет долгожительства. По кавказской традиции рано утром, прежде чем уйти в горы пасти скот, настоящий мужчина выпивает рог араки – кукурузной тридцатиградусной водки, – чтобы не чувствовать ни жары, ни усталости. Выпьем же и мы!

Глубина, как в колодце. Хочется не только прислонить куда-нибудь рог, оттягивающий руку, но и приклонить тяжелую с похмелья и недосыпу голову...

– Нет-нет, – вырывает гостей из рассветной дремоты радужный хозяин. – Рог от рюмки отличается тем, что его нельзя поставить. Его нужно пить до дна!

Позже, трясаясь в машине по полуденному зною, Юрьев, впервые в жизни принявший в шесть утра на грудь граммов триста, с тоской думал: «Мир дается такими жертвами...»

Спасатели стали лагерем рядышком со старым Бесланским аэродромом. Беспокойство, казалось, пропитало воз-

дух. Надо было успеть обустроиться до наступления сумерек. Как только темнота сгущалась, начинали строчить автоматы, перестрелка стихала лишь на рассвете. Задача номер один – развернуть госпитальные палатки. Задача номер два – соорудить туалеты. Спрятаться негде, разве что в лесополосе, которая отделяла автомобильную дорогу от старого аэродрома. А в составе оперативной группы и мобильного госпиталя было около сорока женщин. К вечеру выяснилось, что палатки разбили, а сделать туалеты не успели. Комендант лагеря – им был Кубарев – развел руками:

– Не успели... Ничего, в кусты побегают...

Выставили посты охранения, легли спать. Один из постов был на полуразрушенной вышке аэродрома. Поставили туда солдата с автоматом. К нему наверх вела лестница, которая заканчивалась люком, его закрыли поддоном из кирпича, а солдату дали палку.

– В случае, если не дай бог к тебе начнут подниматься, и ты почувствуешь что это не наш человек, он не ответит на пароль, – наставляли, – то не забывай, что у тебя кроме автомата есть еще и палка. Не хочется начинать со стрельбы и тем более с жертв...

И вот в три часа ночи раздался крик. Солдат вопил как полоумный:

– Нападение! Нападение!

Все выскочили из палаток, хотя вооружены были лишь трое – Юрьев, Фадеев, Кубарев. Первые двое заняли оборо-

ну на случай обстрела лагеря. Кубарева же послали в обход, чтобы он постарался подняться к этому солдату или по крайней мере разведать, что к чему. Передвигаться разведчику пришлось по тем самым кустам, в которые он отправлял всех побегать, пока нет туалетов... Пробираясь через эти дебри, он видел, что нападавшие бежали, не предприняв попытки к нападению. Встал и строевым шагом пошел докладывать от отворачивающегося от него Юрьева:

– Товарищ заместитель председателя». Угроза нападения ликвидирована. Нападавшие бежали. Постовой жив, здоров и невредим, продолжает нести дозор. Ох... Разрешите удалиться?

...Двое мужчин в костюмах, при галстуках уныло бродили среди палаток, вытирая вспотевшие лысины. Они выглядели потерянными и нелепыми. Завидев Юрьева, одинаково всплеснули руками и помчались навстречу. Спустя несколько минут сотрудники только что созданной службы сидели на брезентовых табуретках в штабной палатке.

– Что делать? – пожал плечами один, с остервенением срывая с шеи полосатый галстук. – Обстановка в приграничных районах не соответствует заявлениям о ста десяти тысячах беженцев. Никто не знает, какое количество беженцев вышло из Южной Осетии.

– Мы пытались найти следы каких-нибудь миграционных документов, – вставил второй, незаметно ослабляя узел галстука, – которые могли бы подтвердить хоть какую-то чис-

ленность беженцев, все тщетно... Но совершенно очевидно, что на границе между Северной и Южной Осетией создавать фильтрационные лагеря нет смысла. Люди идут к своим родственникам, знакомым – едва ли они станут жить в палатках.

...Охрипший Юрьев положил трубку на рычаг, обвел глазами собравшихся, невесело усмехнулся:

– Связь с Москвой, как в анекдоте. Помните, председатель горисполкома кричит в кабинете за закрытой дверью: «Алло, Москва! Москва!», а секретарша иностранным гостям благоговейным шепотом: «Тише, пожалуйста, председатель с Москвой разговаривает...». Те в недоумении: «А что по телефону позвонить нельзя?».

Сдержанно посмеялись бородатому анекдоту...

– Правительство потребовало, чтобы мы разбили лагерь на пятьсот человек здесь, на дороге между Южной и Северной Осетией. Будем переубеждать, но и строить тоже будем. Туалеты должны быть, – Юрьев со значением посмотрев на Кубарева, – вода, тепло, медпункты...

Сделали. Ни один беженец в лагерь не пришел.

...Лопасты, последний раз подняв пыльный вихрь, промедлив, начали останавливаться. К вертолету побежали санитары, держась за пилотки, чтобы не сорвало ветром. Летчики спешно спускали трал, подтаскивали к выходу носилки... Воздушный путь доставки раненых из Северной Осетии в Южную в мобильный госпиталь под Бесланом был единственным, не считая горного, долгого, мучительного.

Вертолеты садились на площадке перед приемным покоем. Пострадавшим оказывали первую помощь, сортировали по степени тяжести. Легкораненые через несколько дней исчезали, забыв сказать медикам «спасибо».

...Молодой осетин с заклеенным пластырем боком стоял в окружении местных ребятишек.

– А кто вас подстрелил? Больно было?

– Ничего-ничего, – невозмутимо отозвался раненый, – то-му, кто в меня попал, я еще в лоб попаду...

В Москву Юрьев прилетел поздно вечером. И сразу – в Театральный проезд, докладывать Кужугетову. Тот сидел, слушал, изредка вставлял вопросы, а потом вдруг резко потерял к разговору интерес. Встал и помчался к «вертушке» – телефону прямой правительственной связи. На часы даже не посмотрел. И хотя был уже час ночи, председатель Верховного Совета снял трубку тут же. Слушал напористый, молодой голос и не мог отделаться от грустного чувства, что сам находится словно по другую сторону реки, реки времени.

– Сергей Александрович, нужно решение об урегулировании конфликта. А не об оказании бесконечной гуманитарной помощи! – горячился Кужугетов, сам не замечая, что говорит так, словно пытается докричаться до своего собеседника...

– Добро! – устало и весело произнес тот и не удержался от горькой иронии: – Если вы знаете, как это сделать, будет вам решение и Правительства, и Верховного Совета – дей-

ствуйте. Премьер, я думаю, подпишет соответствующее распоряжение. Документы начнут готовить сейчас, я команду дам. А вот подпишем только уже утром. Потерпите?

Солнечное утро на Кавказе внезапное и чарующее, как улыбка на суровом лице горца. Борис Николаевич Панков, прикомандированный к спасателям по линии МИДа, тщетно пытаясь проснуться, не выдержал:

– Мне, – сказал он, глядя на Кубарева, сыгравшего побудку, – нравится с ГКЧС работать. Единственное узкое место – дисциплина здесь доведена до абсурда. Не успели прилететь в три часа ночи, как уже в пять вставать...

Панков не кривил душой. Ему действительно нравились чрезвычайщики. Хотя их председатель Кужугетов на дух не переносит мидовцев. Что с него взять! Оперился в Сибири, рулил трестом, заставлял вкалывать «химиков». А здесь от него требуется совсем иное – вести переговоры. Ему же вынь да положь: пока не договоримся, не уйдем! Да, действует парень очень напористо, вразрез с мидовскими технологиями. А впрочем, может он и прав, что идет, как на таран, ситуации ведь нестандартные... Что только не приходится учитывать! Уже дошло до того, что в протоколах для осетин писали Цхинвал, а для грузин – Цхинвали.

И вот идет заседание. Думбадзе смотрит на Кужугетова. В глазах прыгают бесенята, уголки губ кривятся в усмешке: «Этот молодой кудрявый парень для меня противник на полчаса. Сейчас я дам ему это понять!» И закатывает длинную

речь... Кужугетов молчит, не перебивает, сидит, не поднимая глаз. Думбадзе, торжествуя, осанисто сел, картинно уперев кисти рук в колени. Кужугетов встал, зрачки расширились от гнева так, что карие глаза кажутся черными.

– Я – представитель Великой России, – тихо и твердо сказал, глядя на Думбадзе. – И прошу относиться к этому адекватно.

Думбадзе не отвечает, молчит, весь ушел в себя: «Разве настоящий мужчина прощает обиду? Нет, он мстит, но изящно, как пристало грузину...» Банкет дает грузинская сторона. На столе – коньяк, вино. Думбадзе гостеприимно предлагает:

– Вот белое вино, прочитайте его название, – голос вкрадчив, источает радушие. – Рекомендую вам это вино. Оно называется Манави. А теперь прочитайте наоборот.

Напротив каждого российского делегата – бутылка. Прочитали полупшепотом, но хором получилось все же громко, оглушительно громко:

– ИВАНАМ!

Послеобеденная жара – затишье перед вечерней перестрелкой. Горы под солнцем кажутся не серыми, а ярко-синими.

– Слушай, а почему в междоусобные войны бросили спасателей?

– Потому что нужно спасти людей, – лениво отмахивается от приятеля Юра Инюшин.

– Но спасатели – не спасители. Что мы можем из того, что не может никто другой? – не унимается Володя Мельничук.

– А кто, этот другой? В МИДе, наверно, считают, что это не их дело – чай, не пожарники они, дипломаты. Кто еще другой? Министерство обороны? Бывший КГБ? МВД? Все изрядно подрастерялись...

– Ну да, а мы переквалифицируемся в дипломатов, а если не получится – в солдат?

– Ну а что, смотри, как Михалыч командует, прямо полководец...

Кубарев оглянулся, вытирая взмокший под фуражкой:

– А вы думаете командовать легко? Не горло драть, а мозгами шевелить, чтобы все утром проснулись и знали, куда идти, что делать...

...Люди стояли, выстроившись в один неровный ряд. Старики, дети. Каждый из них держал в дрожащих руках по кра-

юхе серого, с бурыми пятнами хлеба.

– Ешь, детка, ешь, а то нас всех убьют...

Ребенок зашелся в плаче, отталкивая материнскую руку. Один из боевиков подошел поближе и лениво повел дулом.

– Сейчас, сейчас, – заторопилась мать, заталкивая в рот рыдающего малыша хлебные крошки...

Часом раньше боевики вырвали младенца из рук другой матери, убили его на глазах у всего села, бросили в чан и выпекли хлеб...

...Суранов сидел за столом один. Он сидел неподвижно, закрыв глаза. Время бежит стремительней, чем водопад с горы, сроки поджимают... На его плечи легла невероятная по сложности задача – сформировать батальон из северных осетин, которые могли бы выполнять миротворческую задачу в Южной Осетии. Каким будет проект соглашения об урегулировании конфликта, толком еще было не ясно. Но мысль о создании миротворческого корпуса, сформированного посредником – Россией и противоборствующими сторонами – уже вызрела. Не было никакого опыта, делалось с чистого листа. Во главе миротворческого российского батальона решено было поставить генерал-майора Александра Филаретова, грузинского – Пантелеймона Бригвадзе, осетинского – его, Станислава Суранова.

«Попробуй заглянуть в душу пятистам человекам! Все готовы поклясться на чем угодно, что будут вести себя достойно. Иные даже плакали, на коленях стояли, только возьми.

И в то же время в батальон пытаются проникнуть, чтобы завладеть оружием и отомстить. Возмущение справедливое. Он и сам его разделяет. Грузины начали проводить ассимиляцию, запретили осетинский язык в школах, ликвидировали администрацию. Но делали ведь это не все грузины поголовно, а гамсахурдисты. Это они поссорили народы, спровоцировали убийства, погромы. Как убедить новоявленных миротворцев, что мы идем не убивать, уподобляясь боевикам, расстреливавшим Цхинвали, а идем с нелегкой миссией прекратить огонь? Как убедить?»

Двадцать девятого июня девяносто второго года в Южную Осетию вошел батальон североосетинских миротворцев. Их встречали, как воинов-освободителей в Великую Отечественную, в мае сорок пятого. Под ноги летели цветы... Батальон миротворцев в полтысячи штыков вел безмолвный комбат. Он шел, глядя себе под ноги...

– Почему он все время молчит? – спросил кто-то, когда осетинский батальон разместили рядом с российским. – Это все горцы такие неразговорчивые?

– Он потерял голос за те две недели, пока формировал батальон, – ответил пришедший вместе с осетинскими миротворцами Юра Инюшин, – а потом вел пешим ходом из Владикавказа через Рокский перевал. История народов Осетии когда-нибудь воздаст ему должное...

– Не знаю, как история, а я ему уже и сейчас готов воздать, – подхватил Кубарев. – Молодец, генерал! Батальон

укомплектовал не только людьми, но и техникой. А грузинские миротворцы прикатили к месту дислокации лишь с оружием – без палаток, без самого необходимого, просто-напросто встали на довольствие к российскому батальону.

Заплаканные девчушки в черном бережно подняли седую женщину, обнявшую гроб. Сырые комья земли застучали по крышке. Суровые мужчины передернули затворы винтовок, выстрелили. Залп поднял с веток воронье, отозвался эхом в горах... На блокпостах миротворцы – русские, осетины, грузины – тревожно вслушивались в наступившую тишину. Новые похороны? Или опять стычка? Посмотрели на часы и облегченно вздохнули: стреляли в три часа, значит, похороны. Они идут в каждой деревне. По договоренности со старейшинами с недавних пор стали хоронить именно в это время. Над свежей могилой вырос холмик сырой земли. Пора расходиться. В толпе перешептываются:

– А почему эти три генерала здесь? Такая честь нашему бедному Нико, а он совсем мальчик был...

– Это миротворцы. Вон тот, слева, это наш, грузин, Бригвадзе, справа – сам видишь, русский, Филаретов, в центре – Суранов, осетин...

– А что здесь делать осетину? На наше горе смотреть?

– Нельзя так говорить, они ездят на похороны, чтобы показать, что пришли с миром и сочувствием к каждому человеческому горю. Везде это понимают, а мы, что же, слепые?

А утром прибежал запыхавшийся вестовой: в расположение грузинских миротворцев бээмпэ (боевая машина пехо-

ты) неизвестного происхождения влетела и начала утюжить окопы, постреляла поверх голов и ушла на склон. В бинокль отчетливо видно: на касках синие полосы – специально всем миротворцам накрашили. Что будешь делать – надо брать белый флаг и идти.

– Ну что, – пробует пошутить Кубарев, аккуратными узелками привязывая на штык носовой платок, – пошагали по полю войны, что ли...

– Ребята, как же так? Вы же – миротворцы...

Оказывается, перепуганные жители сказали, что к селу подошли грузины. Осетины и примчались. А грузины просто занимали позиции, на которые им встать приказали, чтобы противоборствующие стороны – осетинский и грузинский батальоны – от греха подальше развести, а между ними поставить российские войска.

...Спасатели паковали рюкзаки. Все понимали, что остальное уже зависело от умения и гибкости политиков. Главное – удалось прекратить «горячее» противостояние, впервые применить военную силу для мира, а не для войны. В ходе операции миротворцы потеряли одного человека. На мосту в самом Цхинвале подорвался на mine грузовик, погиб водитель. Но сейчас, когда от силы часа через три, предстояло прыгнуть с трапа дома, в Подмоскovie, говорить о грустном не хотелось.

– Юр, расскажи, как вы с Михалычем под осетинскую музыку в грузинское село въехали.

– Да ладно, – отмахивался от него Инюшин, – все знают как...

– Не знаем, – хором загорланили спасатели, лежавшие на рюкзаках у взлетки, – не слышали даже...

– Ну, мы ездили на бээрдем (боевая разведывательно-десантная машина). Установили звуковещательный аппарат, и машина из боевой стала пропагандистской, – Юра помолчал, надеясь, что, может быть, сейчас прозвучит команда строиться, нет, все тихо, вздохнул и продолжил, чувствуя на себе неослабевающее внимание аудитории. – В каждое село мы въезжали с музыкой. Для осетин – своя, для грузин – своя. Кассеты даже отдельно стояли. А все деревни – одна около другой. Однажды перепутали и в грузинское село въехали с осетинской музыкой. Они подумали, что осетинские боевики с музыкой прикатили мстить, а это мы. Грузины военные приготовления повели полным ходом, пушку наводят. Пошел Михалыч с платочком к одним, к другим... Произнес пламенные речи. Умиротворил.

– Команда грузиться, – майор запыхался, – построения не будет! Предстоит лететь в Приднестровье, но через Москву...

VIII. Ткварчели

1

Мы спустились с гор и почувствовали себя участниками общего кошмарного сна, из плена которого не выбраться. Словно знаешь, что надо проснуться, и не можешь... Альпинистскую базу заполнили военные. На пляже дежурили автоматчики в бронежилетах и касках. По улицам сновали бэтээры, в воздухе стрекотали вертолеты. На морском горизонте маячили сизые в дымке эсминцы. Мир под кипарисами и солнцем утратил свою беспечную привлекательность. На пустой автобусной остановке навзрыд плакала женщина.

– Вам чем-нибудь можно помочь?

– Уже ничем, – она поднимает мокрое от слез лицо. – Мужа после вечерней смены у завода встретили, спросили, ты за кого? А он им – мне все равно, я русский. Вот за это и убили...

– Ты откуда? – она снова закрывает лицо большими, натруженными руками.

– С Клухорского перевала, а вообще – из Москвы...

– Землячка! – она внезапно прижимает меня к себе, как самого родного, близкого человека. – Я из Подольска!

Потом было много других «горячих точек». Я видела

мертвые тела, раненых друзей и врагов, брошенных стариков и голодных, онемевших от страха детей. Столько всего... что уже кажется, что мир этот стоит на крови, человеческом горе и страданиях. Но я постоянно ловлю себя на том, что сравниваю каждый из новых локальных конфликтов со своей первой «горячей точкой» – с Абхазией начала девяностых: сумбурной, растерянной, воинствующей до абсурда. Войн не становится меньше. Кажется, что нас вот-вот общей бедой накроет, как цунами. И только тогда мы объединимся?

Записка – мятая, стертая на изгибах – жгла руки. «Спасите нас! В блокадном Ткварчели русскоязычное население гибнет от голода. Уже умерли первые тридцать человек...»

– Ну что? – спасатели спросили Юрьева просто так, на всякий случай. Результат очередного обращения в правительство был ясен по отчужденному, замкнутому выражению лица. Опять отказ. Никто не хочет дать «добро» на проведение спасательной операции по вывозу из Ткварчели русскоязычного населения, которое неизбежно погибнет в этой войне. Подумаешь, Ткварчели...

А что тут урегулируешь? С одной стороны, на основании соглашения между Россией и Грузией, который подписали Ельцин и Шеварднадзе, предпринимались попытки погасить полыхающую междоусобицу. С другой стороны, вопреки этим усилиям, грузинские войска вошли в Сухуми, столицу Абхазии, якобы с целью охраны железной дороги. Слепому видно: эта цель гипотетическая, на самом деле войска понадобились для того, чтобы силой растоптать ростки сепаратизма в Абхазии. Грубо сработано! С применением оружия, со смертями. Обе стороны завязли в военном противостоянии. Все больше и больше жертв и руин... Каждая из сторон пребывает в лихорадочной надежде, что силой оружия удастся добиться своих целей: Абхазия жаждет отделиться

от Грузии и стать самостоятельной, а Грузия хочет подавить это желание и установить жесткий военный контроль...

Это уже четвертая «горячая точка», в которую бросают спасателей. Едва потушили конфликт между Грузией и Южной Осетией, запылало Приднестровье. Закончился приднестровский конфликт, на очереди следующий – между Южной Осетией и Ингушетией, его удалось остановить только ценой больше жертв. Ведь там не только в бою погибали, но и заложников брали, и убивали исподтишка. Чикменский круг был настоящим пеклом. Его со всех сторон обступало кукурузное поле, оттуда доносилась стрельба, неуправляемые убийцы сеяли смерть. Но именно на Чикменском круге стали собираться на переговоры. Из круга смерти он стал кругом жизни...

И вот сейчас, в Абхазии, к Юрьеву пришло горькое понимание природы конфликтов, которому он внутренне сопротивлялся. «Молодые» конфликты, только что вспыхнувшие, сложно остановить с помощью тех технологий, которые применялись раньше, в Цхинвали. Еще мало пролито крови, еще как будто не навоевались, ни одна сторона не понимает, что под дулами автоматов проблем не решить... Да, все это так. Но что же делать с Ткварчели? В блокаде тридцать тысяч человек, измученных голодом и войной. Молодежь уехала раньше, предчувствуя надвигающееся бедствие, а старики остались. Абхазы хоть как-то могут перебиться, все-таки у них родственники в деревнях, они без особого труда про-

никают через эти границы. Русскоязычное население, которое работало на шахтах, а теперь потеряло работу и оказалось в панельных пятиэтажках без средств к существованию, просто умирает от голода...

3

Эти два вертолета, зависшие в небе над Ткварчели, смотрелись так, как если бы малютке стрекозе вздумалось летать на пару с огромным майским жуком. Сходство усилилось на земле. Большой и грузный «Ми-26», до отказа забитый мукой, тяжело опустился на стадион. Садился с первого захода, чтобы не успели взять на прицел. Следом за ним стремительно пошел вниз «Ми-8», подпрыгивая и стрекоча по футбольному полю...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.